

продолжают зависеть от него: одни не погасили старых долгов, другие по-прежнему работают на бывшего хозяина, третьи взяли у него в аренду рабочий скот.

Феодализм в Ираке получил удар, лишился политической власти, но не ушел со сцены.

...Неожиданно надвинулись быстрые южные сумерки. С полей потянулись вереницы крестьян. Слово черные тени, устало двигались по пыльной дороге босоногие женщины. Ослики, намазавшиеся за день, с трудом несли в деревню последнюю дневную ношу — мешки с намолоченным зерном, соломой или огромные связки сучьев. Даже мальчишек и тех утомил неистовый июльский зной. Они жалась ближе к матерям, позабыв о шалостях и играх. Во дворах заблестели огоньки, повеяло дымом из глиняных печей.

Подождала к концу и наша беседа. Уже были осмотрены два крестьянских двора, спрятанных от чужих глаз за глиняными заборами, и выпита традиционная чашечка кофе. Надо было ехать.

Напоследок радушные хозяева решили показать свою школу. Она была действительно необычной. В небольшом сарае, прямо на пальмовых циночках разместились человек 30 учеников. Здесь были люди разных возрастов, но только юноши и мужчины. Занятия вел молодой учитель, добровольно согласившийся три раза в неделю по вечерам приезжать в деревню заниматься с неграмотными. Нелегко постигать азбуку после трудового дня под палящими лучами солнца, особенно когда тебе 30—35 лет и надо кормить многочисленную семью.

Высокий парень огрубевшей рукой с трудом выводил буквы на доске, радуясь тому, что делал. Возможно, это были первые слова, которые в свои 16 лет он смог написать без посторонней помощи. Ведь не секрет, что и сейчас большинство крестьян «расписывается», приложив палец к бумаге. И чтобы это ушло навсегда, созданы вечерние школы — островки культуры в иракской деревне.

...Дорога снова вела машину вдоль канала. Теперь эта узкая — всего полтора-два метра — полоска мутной воды показалась мне куда значительно, чем прежде. Она служила границей не только двух полей, но была барьером, разделяющим классы. Мир труда и бедноты жил с одной стороны канала, старый мир богатства и произвола — с другой.

В СТОЛИЦЕ ЯПОНИИ

А. ГРИГОРЬЯН

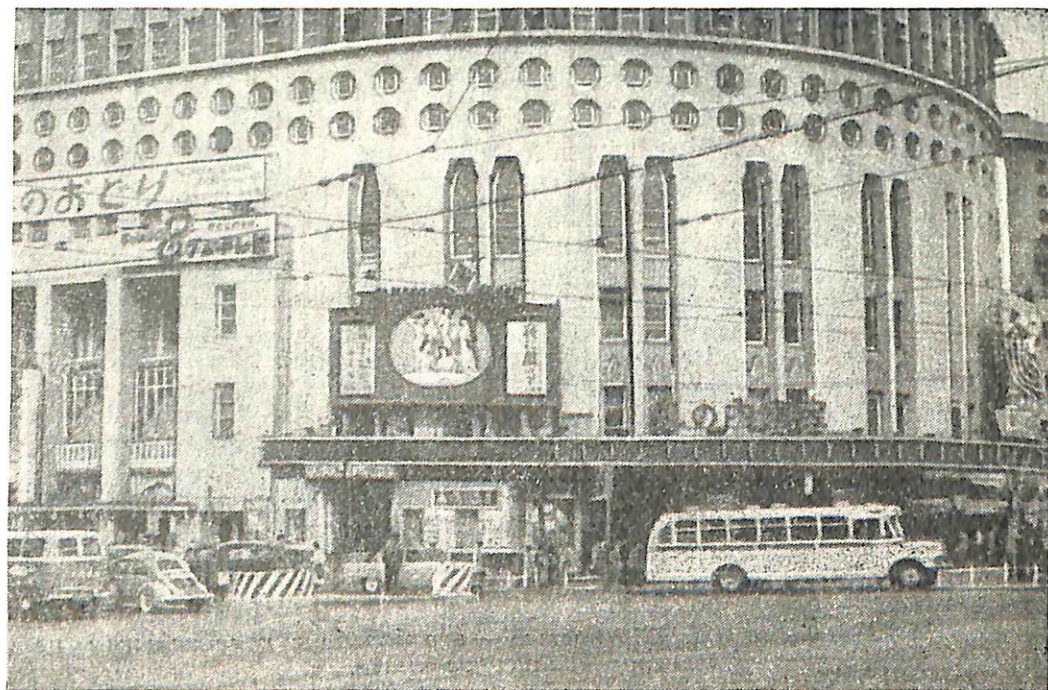
Токио — крупнейший промышленный и торговый центр Японии, важнейший железнодорожный узел. Для столицы Японии характерно сочетание маленьких деревянных домиков с многоэтажными железобетонными административными и общественными зданиями, построенными по последнему слову техники, узких извивающихся улиц, сжатых в тисках застроек, с широкими асфальтированными трассами. Своеобразный колорит придают Токио реки и каналы. Восточнее центра протекает река Сумида. Она служит естественной границей между возвышенной западной и низменной восточной частями города.

В центральном районе Токио, именуемом Кодзимати, расположен императорский дворец и разбит обширный парк. Как сам дворец, выстроенный на месте сто-

ревшего замка сёгуна¹, так и прилегающие к нему храмы и другие сооружения представляют собой яркие образцы классической японской архитектуры. Вход на территорию дворца категорически запрещен. Только дважды в году — на Новый год и в день рождения императора — попадают туда «простые смертные». Нам тоже пришлось любоваться дворцом лишь с площади, расположенной перед ним. Недалеко от него находится серое здание парламента, увенчанное массивной квадратной башней с колоннадой. Именно здесь, у здания парламента, мы встретили демонстрацию трудящихся сто-

¹ Сёгун — титул правителей феодальной Японии в 1192—1867 годах, при которых императорская династия была лишена реальной власти.

Улица Гинза.

лицы с лозунгом: «Долой правительство Киси!» Среди демонстрантов были студенты, рабочие, мелкие торговцы, женщины с детьми. Наше пребывание в Японии совпало с отдельными выступлениями народа, вылившимися позднее в мощные демонстрации против продажной политики Киси, против визита президента США Эйзенхауэра в Японию. Нам, советским людям, направляясь в Японию, не было надобности страховаться от нападения толпы, как это были вынуждены делать американские корреспонденты и чиновники из Белого дома. От улыбок и крепких пожатий друзей не страхуются!

ДОБРЫЙ ТАНУКИ

В первый же день, гуляя по улицам Токио, мы обратили внимание на то, что во дворах многих домов установлены шесты с огромными матерчатыми, пестро разрисованными карпами. Длина их в отдельных случаях достигала пяти-шести метров. Часто на одном шесте висело сразу несколько рыб различных размеров. Вначале нам казалось, что пестрые карпы — лишь декоративное украшение. Но, как выяснилось позднее, это не совсем так. Оказывается, когда в семье рождается сын, в его честь вывешивают на шест огромного карпа. Рождение мальчика — большая радость для роди-

телей, и они хотят, чтоб все знали о ней.

Мы приехали в Токио в то время, когда в Японии отмечался праздник весны. Улицы, дома, многочисленные мостики, скверы и сады были разукрашены искусственными цветами, гирляндами и ярко иллюминированы. В эти дни, как нам сказали сами японцы, трудно узнать даже Гинзу, самую оживленную улицу Токио. Она тянется вдоль правого берега реки Сумиды, сверкая витринами многочисленных магазинов, броскими плакатами, рекламами фешенебельных баров и ресторанов. Наше внимание привлекают продавцы японских игрушек, устроившиеся прямо на тротуарах. Здесь деревянная фигурка барсука Тануки, многочисленные очень забавные лягушата, кошки, собаки и тигры. Все они выполнены с большим мастерством в обобщенных формах. Однако обобщенность форм несколько не мешает мастерам японского прикладного искусства добиваться большой выразительности и прекрасной передачи характерных для каждого животного повадок.

В этой галерее животных особым разнообразием отличается Тануки. Мы заинтересовались, чем объясняется такая популярность его, и нам рассказали старинную легенду об этом зверьке. Родилась она далеко от Токио, на живописном горном плато Ясима острова Сикоку. Давным-давно жил

в этом районе добрый зверек Тануки. Трудно, очень трудно жилось беднякам Ясима, и добрый Тануки пришел им на помощь. Он помог сеять рис и смотреть за домом. Но помощи маленького барсука было недостаточно, и тогда превратился зверек в ценный сосуд. Продали бедняки этот сосуд и навсегда избавились от нищеты. С того времени острая мордочка доброго Тануки стала в Японии символом счастья и благополучия.

Но царица этого маленького царства замечательных японских игрушек — бесспорно элегантная деревянная куклолка Кокеси. Уже одно воспоминание о ней вызывает улыбку. На лукавые детские рожицы этих куколок, выведенные несколькими скупыми штрихами, нельзя смотреть безразлично. Туловище их (если так можно назвать кусочек дерева простейшей геометрической формы) расписано красками. Здесь и японский пейзаж, и Фудзияма, различные пагоды, старинные храмы и даже телевизионная башня Токио.

Догадавшись, что мы туристы, продавцы начали наперебой предлагать нам деревянные игрушки, и вскоре мы продолжили свою прогулку по Гинзе, нагруженные всевозможными Тануки, Кокеси и другими народными игрушками.

СИМФОНΙΑ ПРИРОДЫ

Быть в Японии и не увидеть японский сад — это преступление. Ведь парковое искусство Японии является одним из видов национального искусства. Поэтому все мы очень обрадовались, когда нам сообщили, что в программу нашего пребывания в Токио включено посещение нескольких садов и парков. Их в столице Японии более сотни. Парки Японии сильно пострадали во время второй мировой войны, лишь немногие сохранились полностью.

Основные компоненты японского сада — дерево, вода и строение. Цветы, как правило, отсутствуют. От других искусственных садов парки эти отличаются естественностью своего расположения. Здесь не только воспроизведен естественный ландшафт. Он дополнен рукой мастеров зеленой архитектуры, стремившихся к созданию «идеального пейзажа». Гуляешь по саду и чувствуешь огромную любовь японцев к природе родной страны. В одном из парков Токио пруды заселены многочисленными дикими утками, цаплями и другими водоплавающими,

Здесь торгуют куклами.

В одном из парков Токио.

верхушки огромных деревьев тоже стали местом гнездования представителей царства пернатых.

На вершине небольшого холма, позади домика чайной церемонии, живописно возвышается пагода, привезенная из Кореи более 1000 лет назад. Как пагода, так и домик чайной церемонии являются достопримечательностью сада, и без них сейчас трудно предста-

вить его себе, так же, впрочем, как и без оригинальных каменных фонарей, которых в саду около 30. Но что особенно ценно — это неразрывная, потрясающая связь архитектуры с окружающей природой. Трудно сказать даже, здания дополняют пейзаж или пейзаж — здания.

Наше знакомство с парковым искусством Японии продолжалось

в парке Уэно, представляющем собой своеобразную модель японского ландшафта. Нагроможденные друг на друга камни, причудливые формы которых напоминают фантастический мир, зеркальные водоемы с многочисленными мостиками и балюстрадами, миниатюрные водопады и деревья с присущим только для Японии силуэтом создают в парке Уэно неповторимую симфонию природы.

На одной из улиц Токио нам показали невысокое, светлое здание с широкими застекленными проемами. К зданию примыкал небольшой уютный садик. Это была специальная школа по изучению икебана — искусства составлять букеты из живых цветов. Это уникальное национальное искусство зародилось в Японии еще в средние века. Сейчас таких школ более двух тысяч — и не случайно: цветы прочно вошли в быт японского народа, и редкая женщина не владеет в большей или меньшей степени искусством делать букеты. Японцы, глубоко понимающие и чувствующие красоту природы, с любовью создают у себя дома незабываемые миниатюрные уголки родного края.

На встрече с представителями общественных организаций председатель отделения общества «Япония — СССР» сказал: «У нас, на японских островах, цветет сейчас нежная вишня, а в наших сердцах — чувство дружбы к советскому народу...» Это мы ощущали в течение всего путешествия по стране.

ПОДМОЧЕННАЯ РЕПУТАЦИЯ

1960 год был крайне неудачным для американской фирмы «Локхид корпорейшн». В мае этого года над Советским Союзом был сбит изготовленный ею со знанием дела самолет-шпион «Локхид У-2», и, надо сказать, взрыв советской ракеты весьма болезненно сказался на престиже этой «солидной» фирмы.

На протяжении долгого времени «Локхид корпорейшн» вела переговоры с индийским правительством о сооружении в Индии самолетостроительного завода. Но сравнительно недавно индийская сторона решила прекратить переговоры и отказаться от услуг фирмы. Как отмечает еженедельник «Блиц», одной из

причин, вызвавших это решение, явилось «распространенное в правительстве мнение, что вряд ли имеет смысл приглашать фирму «Локхид корпорейшн», имя которой запятнано в связи с фиаско, которое потерпел шпионский план с полетами самолетов «У-2», сорвавший совещание в верхах».

Не желая упустить доходное дело, «Локхид корпорейшн» пыталась договориться о строительстве завода с индийской монополистической группой Тата. Но и здесь ее постигла неудача. Дело в том, что в Индии и гражданская авиация и создающаяся самолетостроительная промышленность находятся целиком под контролем государства и могут развиваться только в рамках государственного сектора хозяйства.